ЛЕОНИДЪ ЧАЦКІЙ

ЛАДЬЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Е. А. ГУТНОВА
1922

ЛЕОНИДЪ ЧАЦКІЙ

ЛАДЬЯ

СТИХИ

1922

ИЗДАТЕЛЬСТВО Е. А. ГУТНОВА
ВЪ БЕРЛИНѢ

I think the Vessel, that with fugitive
Articulation answer'd, once did live,
And merry make; and the cold Lip I kiss'd:
How many Kisses might it take — and give!

Omar Khayyam.

Жизнь точно медленная барка
Скользитъ по глади водяной,
А вѣтеръ въ голыхъ вѣткахъ парка
Шумитъ назойливый и злой.

Глѣбъ Струве.

Англія, страна зелени яркой,
Старыхъ дворцовъ въ готическомъ стилѣ,
Гдѣ подъ высокой и узкой аркой
Когда-то рыцари проходили, —

Англія, страна городовъ черныхъ,
Гдѣ съ утра до вечера дымятъ трубы,
Гдѣ держатъ мужья женъ непокорныхъ,
Какъ будто-бъ онѣ были милы и любы, —

Англія, страна утонченной расы,
Гдѣ такъ много странныхъ древнихъ преданій,
Какъ будто принесенныхъ изъ Бурмы или Лхассы,
Чудесныхъ какъ бѣлыя лани, —

Англія, страна возмутительной черни,
Ревущей проклятья въ лицо героя,
Когда раздается звонъ вечерній
Огромныхъ часовъ стариннаго строя, —

Англія, тебѣ свои стихи посвящаю,
Потому что въ тебѣ я позналъ скитанья.
Покидая тебя, тебя вспоминаю,
Вспоминаю ее и любви исканья.

Dover—Ostende.

I

Вѣтеръ — кудри, вѣтеръ — очи,
Вѣтеръ — легкая рука.
И мгновенія короче
Въ блѣдной зыбкости зеркалъ.
Вѣтеръ южный бьеть въ глаза мнѣ,
И какъ парусъ облака.
Вижу — тихая на камнѣ
И усталая рука.
Дай руки твоей коснуться
Моимъ юношескимъ ртомъ.
Надъ заливомъ чайки вьются
Пѣной въ небѣ золотомъ.
Дай у ногъ твоихъ пѣвучихъ,
Оцѣлованныхъ волной,
Бросить ворохъ звѣздъ падучихъ,
Павшихъ раннею весной.
Знай: невѣдомая сила
Обручила насъ съ тобой.
Леонилла, Леонилла...
Вѣтеръ, вѣтеръ голубой...

25 августа 1922 г.

МЕЧТА ЗАКАТА

Я Пажъ изломанной мечты,
Измученной душой ищу созвучій,
Чтобъ передать всѣ чары красоты,
Чтобы завить твой локонъ круче.
Моей мечты измѣнчивый полетъ
Меня уноситъ въ даль отрадно,
Въ ту даль, гдѣ съ сердца снимутъ гнетъ,
Гдѣ вьются кудри своенравно.
Я твоихъ черныхъ душныхъ змѣй
Люблю волнующія пряди,
А на душѣ моей свѣтлѣй
Отъ искръ, блестящихъ въ твоемъ взглядѣ.
Я Пажъ изломанной мечты,
И мнѣ ея желанье свято.
И чернымъ бархатомъ цвѣты
Цвѣтутъ надъ розовымъ закатомъ.

ОБРУЧЕННАЯ ВѢТРУ

Въ этотъ день тоскующій и нѣжный
Вѣтеръ лижетъ смуглое лицо,
Развиваетъ ласкою небрежной
Локона кудрявое кольцо.
Развиваетъ, треплетъ, завиваетъ,
Шепчетъ въ уши свѣтлыя слова,
И смѣется, а о чемъ, не знаетъ...
Только ходитъ странная молва
Будто съ вѣтромъ ночью ты вѣнчалась,
Когда пѣли звѣздные лучи.
Оттого-ли мое сердце сжалось?
Оттого-ли голосъ не звучитъ?
Смуглая, кудрявая царевна,
Ставшая царицей на зарѣ,
Меня жжетъ пронзительная ревность
По твоемъ невидимомъ царѣ.

СМУГЛЫЙ ПЬЕРО

Вы вошли и стало весело.
Захотѣлось ярко жить,
Очарованною пѣснею
Мiръ туманный окружить.

Бѣлый мѣхъ и четкость линiи,
Шляпы бѣлое перо.
И звучитъ уже призывнѣе
Голосъ смуглаго Пьеро.

Вы ни слова не сказали мнѣ, —
Поглядѣли и ушли.
Почему же сердце каменнѣй?
Тѣни гуще залегли?

КОРАБЛИ

Вы опять на моемъ пути,
Молчаливая, прекрасная.
Вашимъ взглядомъ смутить
Стараетесь меня напрасно.
Я смотрю въ убѣгающую тьму
На ваше въ стеклѣ отраженье
И никакъ не пойму,
Живая вы или видѣнье.
Вы смотрите на мой опалъ
И думаете: камень несчастья.
А меня кто-то въ броню заковалъ,
И я не могу смѣяться.
Уйдите. Вы изъ чужой земли.
Вы не поймете нашего горя.
... Расходятся въ морѣ корабли,
Въ синемъ просторѣ.

ИЗЪ ЦИКЛА „ОТВЕРЖЕННЫЕ“
ЛИЛОВЫЯ КРУЖЕВА

Въ уборѣ изъ лиловыхъ кружевъ
Она шла и былъ гордъ ея взглядъ,
А на улицѣ была сильная стужа, —
Такъ нелѣпъ былъ ея лѣтній нарядъ.
Подведенные глаза такъ странно
Посылали гордость свою,
Алый ротъ смѣялся жеманно . . .
Маленькая мушка у рта, на краю.
Прохожіе осматривали дико
Эту дѣвушку и спѣшили домой,
Дивясь красотѣ ея блѣднаго лика,
Ея лиловому платью холодной зимой.
А она шла торжественно вдаль, гдѣ ярко
Горѣли фонари надъ застывшей рѣкой.
И на темномъ небѣ Тріумфальная Арка
Хранила безъизвѣстнаго героя покой.
Эту дѣвушку въ платьѣ лиловомъ
Кто-то невѣрный забылъ приласкать,
Потому она вечеромъ зимнимъ, суровымъ
Пошла на улицѣ Любовь искать.

ОЖИДАНІЕ

. . . Такъ каждый день я ожидаю писемъ.
И сердце дрогнетъ, когда дробный стукъ
Въ прихожей гулкой тайною повиснетъ
И въ сердцѣ пламенемъ зажжетъ испугъ.
Ахъ, если-бъ знать, когда судьба подаритъ
Мнѣ тонкій листъ исписанный кругомъ.
Но, кажется, несчастливъ этотъ домъ
И съ каждымъ днемъ меня онъ старитъ.
Какъ моя комната меня гнететъ . . .
Кругомъ молчаніе. Лишь дождь снаружи
Мнѣ съ грустью пѣсенку поетъ
Одну и ту же.

ИРИНѢ Р.

Убѣгаютъ, исчезаютъ сѣрыя
Круглыя стѣны туннеля . . .
Сердце пьяно безъ мѣры
Отъ печальнаго хмеля.
Кругомъ смотрятъ хмурые,
Тоскливые горожане.
Вспоминается конь понурый —
Гриша или Ваня? —
И вы — какъ пѣсня чудесная
Пастушьей свирѣли,
Освѣженная веснами
Яркокудраго Лелля.
Городъ тяжелымъ дыханіемъ
Провожаетъ ночного гостя,
А вы, какъ крестнымъ знаменьемъ
Радость дарите горстью.
Не забыть, но вспомнить задумчиво
Вашей руки пожатье.
Увидѣть васъ, голубыя тучи . . .
И плакать, и смѣяться.

СТРАНИЦА ДНЕВНИКА

Серебрится бѣлая страница
Моего забытаго дневника.
Каждый вечеръ мнѣ чудно снится
Твоя бѣлая, бѣлая рука.

Каждый вечеръ въ далекой спальнѣ
Зажигаю бѣлый свѣтъ.
Сердце бьется какъ въ наковальнѣ,
Сердце шепчетъ и да, и нѣтъ.

А мотивъ недавняго бала
Не прогнать изъ памяти прочь.
— Ты прійти ко мнѣ обѣщала,
— И я жду тебя каждую ночь.

Какъ теплую перчатку въ сухой морозъ
Сразу не снять съ лѣнивой руки —
Побоишься острыхъ морозныхъ занозъ —
Такъ мнѣ не снять покрывало тоски.

Ночью, когда звѣзды дышатъ свѣтло,
Выхожу на узкій круглый балконъ.
Вѣетъ изъ дали вешнимъ тепломъ,
А въ ушахъ дрожитъ поцѣлуевъ звонъ.

Мнѣ такъ нѣжно, такъ сладко о нихъ тосковать,
Какъ въ безсонную ночь о желанномъ снѣ,
Но боюсь разлюбить, лишь любви печать
Обожжетъ мнѣ уста въ живомъ огнѣ.

ИЗЪ ЦИКЛА „ТѢНИ ВЕРСАЛЯ“

ДУЭЛЬ

Двѣ шпаги скрещенныя звонко, —
Два сердца въ одномъ.
И ротъ, накрашенный тонко,
И мушка надъ алымъ ртомъ.
А зелень такъ изумрудна,
И въ сердцѣ кровь горяча.
Вечернее небо — чудно,
Какъ старая парча.
Кафтаны, какъ сонъ, лиловы
И оба въ крови,
Но снова звенятъ и снова
Двѣ шпаги визави.
А съ первымъ лобзаньемъ ночи
Упала рука.
Рѣсницы закрыли очи,
Дрожа слегка.
И лежа на зелени алой,
Израненный кавалеръ,
Шепталъ про себя устало
Имя: — де-Лавальеръ.

Кончено. Все пропало.
Любви уже больше нѣтъ.
Ночь мои очи сжала
Мракомъ ушедшихъ лѣтъ.
Тамъ, гдѣ огромной чашей
Надъ полемъ блеститъ луна,
Послѣднею встрѣчей нашей
Цвѣтетъ золотая весна.
Качаются вѣтви елей,
Какъ крылья нелѣпыхъ птицъ.
Почему мы тогда не смѣли
Другъ друга любить?
И жутко вдыхать прохладу
Весеннихъ несбывшихся сновъ,
А сердце вернуть бы радо
Тебя и твою любовь.

ТОСКА

Звонко умеръ, исчезъ дрожащій звукъ,
Опустились мои руки.
Съ потолка спустился сѣрый паукъ
И свилъ въ паутину звуки.
Мелкой сѣтью раскинулъ ее у окна
И застылъ невидимкой.
Пробило девять. И вся страна
Покрылась вечерней дымкой.
Такъ стало тихо, безбрежно кругомъ.
Странно въ груди защемило.
Горечь и сладость въ сердцѣ моемъ
Тоску пробудила.
Бьенія сердца, какъ усталыхъ шаги,
Тихи, лѣнивы.
Сѣрый паукъ, приди помоги!
Ты такой красивый.
Ты сожми мое сердце въ жесткій комокъ
И обвей паутиной,
Чтобъ никто добраться до него не могъ,
Никто, ни единый.
И тогда изъ сердца пей мою кровь.
Пей, упивайся.
Счастливый! Ты не знаешь, что такое любовь ...
Пей, наслаждайся.

СТАРОСТЬ

Письма брошены въ огонь.
Письма загорѣлись. Писемъ нѣтъ.
Лишь въ одномъ углу чернильный слѣдъ:
„Вся твоя... Іюнь... Cologne..."

Писемъ нѣтъ, но въ сердцѣ нѣтъ печали
Все какъ прежде, какъ тогда,
Когда пѣла Рейнская вода,
Соловьи перекликались.

Память прошлаго по прежнему свѣжа.
Все по прежнему. Я только
Развиваю нить изъ шелка
И слѣжу полетъ стрижа.

II

БЕЗУМНАЯ НОЧЬ

Глѣбу Струве

Въ зеркалѣ неба отраженье огней
Образуетъ золотую корону.
А на землѣ въ мученіи дней
Люди, умирая, стонутъ.

Голыя деревья кружевомъ вѣтвей
Создаютъ причудливую сѣтку.
Кажется, что воскресъ Обри Бердслэй
И всюду поставилъ свою мѣтку.

Даже лица прохожихъ въ blanc et noir
Въ яркомъ свѣтѣ газовыхъ фонарей.
И катится земля, этотъ проклятый шаръ,
Въ послѣднюю изъ своихъ безумныхъ ночей.

МЫСЛЬ

Въ шумъ ресторана, гдѣ теплый воздухъ
Полонъ дыханіемъ пряныхъ духовъ,
Я внесъ въ петлицѣ бѣлую розу
Подъ визгъ сексафона и вой роговъ.

Я смотрѣлъ оживленно на лица, лица . . .
Тутъ на алый ротъ, тамъ на блескъ очей, —
Когда вдругъ моя мысль взлетѣла птицей,
Задѣвая крылами языки свѣчей.

И они трепетали потерянно, злобно,
Стараясь огнемъ задержать полетъ.
И кривился улыбкой жалкой, нерозной,
Вашъ накрашенный дѣтскій ротъ.

ЛУННЫЙ ПЬЕРО

Вечеромъ бѣлыя гвоздики
Одуряюще пряны.
Я люблю ихъ нѣжные лики,
Какъ клочья тумана.

Выхожу въ садъ потемнѣвшій,
Такой мудрый и тайный.
Какъ гномъ, отъ страха присѣвшій,
Черенъ кустъ подъ каштаномъ.

И дышется странно тихо.
Я шагаю совсѣмъ безшумно,
Шепчу посвященье Триптиха:
— Лунному лунный. —

ЖЕРТВОПРИНОШЕНІЕ

Графу Г. де Мерэндоль

Въ сѣромъ небѣ умираетъ заря,
Саваномъ покрывая городъ.
Одинокій, блѣдный, у фонаря
Рву на рубашкѣ воротъ.

Тусклымъ свѣтомъ мигаетъ его глазъ,
Тяжкимъ дымомъ клубятся фабричныя трубы.
Выставивъ въ небо, какъ на показъ,
Свои почернѣвшіе трупы.

Люди проходятъ, мыслятъ, живутъ,
Одинокаго забываютъ.
Хлещетъ судьбы пронзительный кнутъ,
Душу въ куски разрывая.

Какъ на картинѣ написанъ пестро
На лицѣ смѣющійся ужасъ . . .
Это — конецъ смуглаго Пьеро, —
На шеѣ веревка все туже, туже . . .

ЗАБЫТЫМЪ

Тусклыя пятна, какъ черепашьи спины —
Отраженье фонарей на мокрыхъ плитахъ.
Сегодня мои именины . . .
Вспоминаю родныхъ, забытыхъ.

Ухожу изъ предѣловъ свѣта
Вдоль темныхъ оконъ магазиновъ.
Вспоминаю поэтовъ,
Когда-то любимыхъ.

Какой день тоскливый сегодня,
Какъ тяжело на сердцѣ . . .
Но я по прежнему сынъ Господень,
Забытые, любимые, вѣрьте!

СНѢЖНАЯ НОЧЬ

Фонари на далекихъ улицахъ
Радужный дарятъ свѣтъ.
Невольно спина сутулится
Отъ тяжести нежитыхъ лѣтъ.

А небо къ землѣ равнодушное
Зажигается звѣзднымъ огнемъ.
И душа моя непослушная
Сегодня скорбитъ о немъ.

Это небо бездонное, звѣздное
Мнѣ сулитъ свои тайны открыть, —
Я хочу въ эту ночь морозную
О землѣ и земномъ забыть.

Затихаютъ шаги на улицахъ . . .
Меркнетъ радужный свѣтъ фонарей . . .
А мнѣ въ небѣ сказочно чудится
Образъ Божьихъ отверзтыхъ дверей.

СУМРАКЪ

Падаетъ, падаетъ сумракъ на городъ,
Кашемировой тканью овиваетъ дома.
Уличные свѣты зажгутся скоро,
Но пока еще волшебно царитъ полутьма.

Въ отблескахъ огней моего автомобиля
Свѣтится рельсъ лучезарная нить,
Уходящая въ даль, которую любили
Такъ недавно поэты и стараются забыть.

И эта даль меня манитъ лиловой дымкой,
Неизвѣданнымъ страхомъ сжимаетъ грудь.
А надъ городомъ строгимъ сонной улыбкой
Мѣсяцъ чертитъ томительный путь.

ПРЕДУЧУВСТВІЕ СМЕРТИ

Томительно безотвѣтно
Голосъ души звучитъ.
Угасли мерцанья лѣта,
Затихъ одинокій скитъ.
Багровые сочные листья
Овили мой скитъ шатромъ, —
Балдахина алыя кисти,
Сонъ надъ тревожнымъ сномъ . . .
Я помню сіяли зори,
Какъ-будто Кто-то воскресъ.
Какъ опрокинутое море,
Цвѣла бирюза небесъ.
Я помню, я помню, я помню . . .
Всего не разсказать.
И мои поклоненья полдню,
И рѣки безпредѣльную гладь.
А теперь неизмѣнная осень
Разлила по природѣ кровь,
Только шапки строптивыхъ сосенъ
Еще помнятъ солнца любовь.
Ненавижу тебя, ненавижу,
Неизмѣнная смерть живыхъ,
Но я чувствую ближе и ближе
Взглядъ пронзающій глазъ косыхъ.

ДВА СЛОВА

За окномъ прокатилась звѣзда
Въ какія то новыя страны.
Два слова принесли туманы:
„Невозможно" и „никогда".

Два слова зловѣщей сказки,
Отъ которой вьется испугъ,
Какъ на балу, когда взглянетъ вдругъ
Черепъ вмѣсто лица подъ маской.

Это губящее „никогда",
Это безумное „невозможно"...
Какимъ дьяволомъ вы осторожно
Въ нашу жизнь вплетены навсегда?

Ваше змѣиное жало жалитъ.
„Невозможно"... „никогда"...
Густо туманы надъ гладью пруда
Синія развернули вуали.

СТУКЪ ВЪ ОКНО

Дождь и вѣтеръ вчера вѣнчались,
А сегодня бурей пришли.
И стучитъ указательный палецъ
По дверямъ и окнамъ земли.
— Отворите, впустите гостью.
— Я укрою васъ лаской моей.
— Хороводомъ пройдемъ по погосту
— Подъ церковнымъ сводомъ вѣтвей.
— Тамъ друзья ваши тихо и чинно
— Почиваютъ въ спокойномъ снѣ.
— Сегодня мои имянины,
— Отворите, несмѣлые, мнѣ!
И тоскующе сердце жмется
И внимаетъ, какъ ходитъ напѣвъ.
Это буря нѣжно смѣется,
Открывая звѣриный зѣвъ.

Какъ черные волы по влажной пашнѣ,
Уходятъ чередою годы.
И день сегодняшній, какъ день вчерашній.

Смѣняетъ лѣто снѣговыя воды,
И вновь смѣняется вѣтрами
Октябрьской осенней непогоды.

А тамъ зима пушитъ поля снѣгами
И ледянитъ серебряной клюкой,
Чтобъ вновь смѣниться нѣжными ночами, —
Весенней очарованной рѣкой.

Лишь я одинъ несмѣнный и такой же,
Но только гуще бѣлый волосъ на вискахъ
И взглядъ очей тусклѣй и строже,
Какъ лунный свѣтъ на мартовскихъ снѣгахъ.

III

ЯПОНІЯ

Вспоминается Японія. Кіото
И далекій снѣжный Фуджи-Яма,
Четкій, строгій, будто его кто-то
Вылѣпилъ изъ сахара упрямо.

Желтыя чарующія лица,
Маленькія ноги, руки . . .
Кто изъ нихъ отъ взгляда не смутится
Взгляда томнаго со скуки.

Мало кто васъ любитъ, дѣти солнца,
И не понимаютъ всѣ, навѣрно,
Думаютъ, что въ сердце у японца
Скрыта злоба лицемѣрно.

Но я знаю, знаю, знаю,
И люблю васъ гейши-дѣти,
Васъ, безстрашныхъ самураевъ
И единственныхъ на свѣтѣ.

И цвѣтутъ ли хризантемы,
Снѣгъ ли съ горъ спадаетъ пышный,
Бѣло все въ странѣ эмблемы ·
Солнца алаго какъ вишни.

Лондонъ.

ПАМЯТЬ

Забуду ли городъ черный,
Прокоптѣлыя стѣны домовъ,
Путь мой невѣрный и торный
Въ городѣ ѣдкихъ сновъ?

Забуду ли холодъ рѣчи,
Тумановъ лихую жуть,
Гдѣ чуть слышны стопы Предтечи,
Уходящія въ желтую муть?

Все говоритъ мнѣ нынѣ,
Что мнѣ его не забыть.
И мыслью о Сына сынѣ
Тянется жизни нить.

Берлинъ.

ТѢНЬ ПРОШЛАГО

Кроваво небо, предвѣщая вѣтеръ.
На западѣ нависли тучи,
А крылья мельницы летучи,
И тихо шествуетъ на землю вечеръ.
Березки низкія, пронизанныя грустью,
Обрывъ и ель надъ крутизной обрыва
Напоминаютъ все, что такъ красиво
Когда-то называлось Русью.
А дальше въ сырости тѣнистой кручи
Скамья и дубъ, гдѣ бодрствуютъ двѣ тѣни,
Рѣшившія о прекращеньи
Рабовладѣнья. И пѣвуче
Шумитъ листва надъ головой склоненной.
А на корѣ трехвѣкового дуба
Два сердца вырѣзаны грубо
Рукой влюбленной.

Keston-Park, Kent.

СТАРАЯ АНГЛІЯ

I. НА ХОЛМАХЪ САССЕКСА

Здѣсь на этихъ лиловыхъ холмахъ,
Какъ застывшія волны моря,
Римляне били пращей россомахъ,
Радостнымъ крикомъ животнымъ вторя.
Въ блескѣ латъ и звонѣ мечей
Солнце и вѣтеръ терялись.
И вождь, думая, что островъ ничей,
На сѣверъ протянулъ палецъ.
Тогда загремѣлъ когорты шагъ,
Пугая кроликовъ въ норахъ.
Римляне шли, не зная, кто врагъ,
Ждущій ихъ въ новыхъ просторахъ.
Когда они подошли къ рѣкѣ,
Стрѣлы ихъ встрѣтили тучей.
И много воиновъ съ мечемъ въ рукѣ
Падало отъ стрѣлъ пѣвучихъ.
Но снова и снова они шли впередъ,
Какъ волковъ голодная стая.

Страшенъ былъ видъ блестящихъ когортъ
Съ девизомъ вождя: Побѣждаю!
И англы и саксы въ смятеньи сердецъ
Уже въ лѣса отступали,
Когда былъ посланъ легкій гонецъ
Съ привѣтствіемъ вождя: Vale!
Вечеромъ зажглись костры кругомъ
И звенѣла веселая пѣсня.
А на темномъ небѣ острымъ копьемъ
Новый рождался мѣсяцъ.

Steyning, Sussex.

II. ПОСЛѢДНІЙ ПИРЪ

Здѣсь былъ послѣдній римскій оплотъ,
Когда съ сѣвера наступали англы.
Три дня и три ночи у мѣдныхъ воротъ,
Какъ волны разбивались фаланги.
Стрѣлы, шипя, вонзались въ мѣдь
Кремневыми остріями.
Рѣяла сѣвернымъ вихремъ смерть,
Взвиваясь орломъ надъ полями.
А въ городѣ шелъ послѣдній пиръ,
Гдѣ римскіе вельможи
Теряли весь завоеванный міръ
На увитомъ розами ложѣ.
И вотъ на четвертый безумный день,
Дрогнувъ, раскрылись ворота.
И въ ихъ золотомѣдную сѣнь
Встала желѣзная когорта.
Это былъ устрашающій бой —
Тысячи противъ сотни.
Памятенъ англамъ годъ восьмой,
Мѣсяцъ іюнь, день субботній.

А нынѣ отъ прежнихъ смѣлыхъ временъ
Только древнія остались бани,
Гдѣ триста восемьдесятъ римскихъ женъ
Пало отъ меча закланья.
Зеленымъ мохомъ мраморъ поросъ,
Пусты теперь водоемы,
И въ дальнемъ углу пламенныхъ розъ
Кустъ подымается темный.

Bath, Somerset.

III. ЦВѢТЫ ВЕРБЕНЫ

Люди проходили и косились
На обвѣтренныя стѣны,
Гдѣ, какъ пальцы, въ камень впились
Смуглые кусты вербены.
Это все, что здѣсь осталось
Отъ разрушеннаго замка.
. . . Въ сердце вкралась жалость,
Потянулась зябко . . .
Слышу вашъ суровый ропотъ,
Властелины Сомерсета,
Какъ вербены гулкій шепотъ
Въ вихрѣ вѣтра.
Вѣрю, вѣрю, что настанутъ
Дни торжественныхъ свершеній,
И ликующія грянутъ
Трубы обновленья.
Языкомъ чеканной мѣди
Вновь откликнутся долины.
И, принявши дань наслѣдій —
Сомерсета властелина —
Онъ возьметъ въ супруги лэди
И родитъ сына.
. . . Вѣтеръ рветъ цвѣты вербены,
Душный, тлѣнный . . .

Taunton, Somerset.

IV. НА КЛАДБИЩѢ СВ. МЭРИ

Борису Раневскому

Здѣсь въ вѣчности спятъ владыки
Богатыхъ равнинъ Сомерсета
И ждутъ, когда трубные клики
Потребуютъ ихъ къ отвѣту.
Тогда загремятъ кольчуги,
И дрогнутъ заржавленно шпоры.
За рыцарями ихъ подруги
Пройдутъ, потупляя взоры.
И въ церковь они вереницей
Потянутся шагомъ тяжелымъ,
Туда, гдѣ изъ оконъ струится
Солнце ручьемъ веселымъ;
Туда, гдѣ стоятъ знамена,
Какъ память о смѣлыхъ битвахъ,
Гдѣ старый органъ монотонно
Поетъ о забытыхъ молитвахъ.
И дрогнутъ въ страхѣ колѣни,
И, церковь наполнивъ звономъ,
Они упадутъ на ступени
Передъ святымъ амвономъ.
Тогда невѣдомымъ словомъ
Ихъ Кто-то окликнетъ свыше,
И голосомъ радостью новымъ
Они отвѣтятъ: — Слышимъ.

Taunton, Somerset.

ПОРТРЕТЫ

I. СТРАХЪ

Весь этотъ домъ, таинственный и сложный,
Елисаветинскихъ временъ,
На монастырь Іоанновскій похожій, —
Какъ мыслью воскрешенный сонъ.
Здѣсь въ переходахъ лѣстницахъ, подвалахъ
Чуть теплится изъ оконъ свѣтъ,
Рѣшетчатыхъ, запыленныхъ и старыхъ,
Свѣтившихъ больше трехъ сотъ лѣтъ.
Когда войдешь въ готическія двери,
Невольно суевѣрный страхъ
Заставитъ сердце жутко вѣрить,
Огонь свѣчи дрожать въ рукахъ.
И тамъ, гдѣ въ темной строгой залѣ
Висятъ портреты въ тишинѣ,
Блюдящіе, чтобъ не узнали
Про тайный ходъ въ глухой стѣнѣ,
Невыразимо станетъ страшно
Отъ глазъ воистину живыхъ.
. . . И вновь ускачешь вдаль по пашнѣ,
Не дописавъ послѣдній стихъ.

II. ГРАФИНИНЪ ПАЖЪ

Когда я думаю, что эти стѣны
Видали рыцарей и ихъ покорныхъ женъ, —
Дней древнихъ очарованныя сцены
При блѣдномъ свѣтѣ расписныхъ оконъ, —
Мнѣ кажется, что я не въ домѣ друга,
Что рыжій котъ, лежащій у огня —
Домашній барсъ, который вдругъ упруго
Пригнется прыгнуть на меня.
И твой портретъ, лукавая графиня,
Отвѣтилъ — да — на мой нѣмой вопросъ.
А небо звѣздное такъ звѣздно и такъ сине,
И подъ окномъ такъ много дикихъ розъ,
Что я не въ силахъ больше удержаться
Поцѣловать твой нѣжный алый ротъ.
Уста дрожатъ и хочется смѣяться . . .
Мурлычетъ мудро скромный рыжій котъ.

III. ГЕРЦОГИНЯ

Я одинъ въ старинной столовой . . .
Шесть портретовъ висятъ кругомъ,
Но одинъ, герцогини въ лиловомъ,
Мнѣ особенно знакомъ.
Тонкій бархатъ въ узорныхъ складкахъ
И Брюссельскія кружева,
На рукѣ кольцо съ печаткой,
Въ пудрѣ пышная голова.
Мнѣ знакомы тонкіе пальцы
И кольцо на правой рукѣ,
Золотистый узоръ на пяльцахъ,
Дивный профиль въ парикѣ.
Но глаза безконечной муки
Не твои, и я ихъ боюсь, —
Я ихъ видѣлъ на днѣ фелуки,
Покидая родную Русь.

IV. МОНАХЪ

Кровать съ колоннами подъ балдахиномъ,
Пріятный свѣтъ подъ абажуромъ лампы,
И прямо на стѣнѣ на фонѣ синемъ —
Портреты и эстампы.
Здѣсь въ этой комнатѣ, такъ мнѣ сказали,
Или причудились подъ вздохи вѣтра,
Рождались люди и умирали
Три или можетъ больше вѣка.
А я нездѣшній, гость случайный,
Тревожу думой чьи то тѣни.
И кажется необычайно,
Что кто то всходитъ по ступенямъ.
Я знаю, то, что невозможно,
Здѣсь можетъ быть совсѣмъ понятно.
И шепчетъ сердце осторожно,
Что на порогѣ крови пятна,
И что кинжалъ, лежащій въ холлѣ,
Туда положенъ не случайно,
Что кто то въ сатанинской волѣ
Здѣсь умиралъ безъ покаянья.

И я смотрю на рядъ портретовъ
И будто узнаю убійцу:
Глаза еще глядятъ свирѣпо,
А ротъ пытается молиться.
Такъ въ эту ночь, предавшись думамъ,
Я воскрешаю цѣпь событій.
И взоромъ гнѣвнымъ и угрюмымъ
Слѣдитъ за мной монахъ-патрицій.

V. СТРѢЛА И РОЗА

Надъ рамой тяжелой — гербъ золотой
И надпись: Симъ побѣдиши.
Я смотрю на портретъ простой
И вѣрю, что онъ видитъ и слышитъ.
„Вашей Свѣтлости темный взоръ
„Меня ревнуетъ къ графинѣ?..
Почудился звонъ серебряныхъ шпоръ,
Вдругъ дрогнувшихъ на картинѣ.
И я неподвижно стоялъ въ дверяхъ,
Мнѣ было безумно страшно.
И чей то шепотъ шуршалъ въ ушахъ:
— Да минуетъ меня сія Чаша. —
Я убѣжалъ испуганный прочь.
Но гербъ со стрѣлой и розой
Загадкой тревожилъ меня всю ночь,
И казался отравленнымъ воздухъ.
А на утро поблекъ старинный портретъ:
Онъ умеръ, великій герцогъ.
И блестѣлъ неподвижно стальной колетъ,
Тамъ, гдѣ билось стремительно сердце...

VI. ВЕЛЬМОЖА

Орелъ распростеръ свои крылья
Надъ блѣднымъ челомъ вельможи.
Веласкезъ или Мурильо?
Оба они возможны.
Строгая четкость линій,
Чуть полныя нѣжныя руки,
И взоръ восторженно синій,
И ротъ очерченный мукой...
А тамъ, гдѣ въ солнечной лѣни
Танцуютъ дѣвки и парни,
Тяжелыя сочныя тѣни
Не Гойи-ль капризъ своенравный?
Не знаю. Не знаю, не знаю.
Но чудится будто всѣ трое
Душу вельможи терзаютъ,
Создавъ изъ него героя.
А былъ онъ придворнымъ поэтомъ,
Вѣжливымъ, чуть боязливымъ,
Вѣрилъ звѣздамъ, кометамъ,

Покланялся плакучимъ ивамъ.
Онъ дожилъ до лѣтъ преклонныхъ
И умеръ въ шитомъ кафтанѣ.
Безъ дѣлъ беззаконныхъ
На всемъ земномъ скитаньѣ.
И вѣтви плакучей ивы,
Какъ руки повергнутыхъ въ битвѣ,
Дрожатъ надъ его могилой
И къ звѣздамъ несутъ молитвы.

VII. ОТЪѢЗДЪ

Мнѣ грустно покидать старинный важный домъ,
Живущій памятью о давнемъ.
Здѣсь каждый шагъ мнѣ издавни знакомъ,
Повсюду полумракъ закрытыхъ ставень.
И я иду въ портретную опять,
Гдѣ я люблю твое лицо, графиня.
Мнѣ жаль тебя навѣки покидать...
А небо лѣтнее безоблачно и сине.
Свиститъ вдали уныло паровозъ —
Напоминанье о дорогѣ.
А я цѣлую прядь твоихъ волосъ
Въ неописуемой тревогѣ.

Bromham Hall, Bedfordshire.

ОГЛАВЛЕНІЕ

II

Стр.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

ФАНТАЗІИ ЛОРДА ГЕНРИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Е. А. ГУТНОВА ВЪ БЕРЛИНѢ